

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1972.2.07>

Н. БАССЕЛЬ

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР

Внимание литературоведов разных стран по-прежнему привлекают вопросы методологии и методики сравнительного изучения литератур. Пожалуй, ни в одной другой области науки о литературе (кроме разве что структурального литературоведения) этот круг вопросов до сих пор не вызывает столь оживленного обмена мнениями, что объясняется в первую очередь разноречивыми трактовками самого предмета сравнительного литературоведения, его задач и целей. В развернувшейся на страницах «Нового мира» дискуссии «Наука о литературе сегодня» Д. Марков закономерно ставит вопрос «о сравнительном изучении национальных социалистических литератур в плане установления их непосредственных связей и в особенности типологических тенденций их развития, проявляющихся как в сфере идейного содержания произведений, так и в сфере исторического движения форм, стилей, жанров».¹ Отмечая крайнюю малочисленность работ подобного рода у нас, «в то время как в области сравнительного изучения литератур более отдаленных периодов и фольклора уже накоплен значительный опыт»², Д. Марков подчеркивает прежде всего важность включения в сферу сравнительного литературоведения новых эстетических завоеваний литературы XX века, широкий сопоставительный анализ которых приведет к выявлению новых закономерностей мирового литературного развития. Плодотворность такого понимания важнейшей задачи сравнительного изучения литератур, характерного для советских литературоведов, убедительно демонстрирует книга самого Д. Маркова «Генезис социалистического реализма» (М., 1970), выявляющая общие типологические закономерности становления нового художественного метода на материале сравнительного рассмотрения революционно-пролетарских литератур западных и южнославянских народов. С его исследованиями в тематическом и методологическом отношении явно перекликаются работы венгерских ученых: Э. Бойтара о поэзии социалистического авангарда в странах Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами³ и Л. Иллеша об эстетике пролетарской литературы и соотношениях социалистической литературы и авангарда у тех же народов.⁴

Стремление теоретически разработать широкий круг вопросов, связанных с предметом, целями и задачами, а также методологией и методикой сравнительного изучения литератур, отличает исследования словацкого ученого Д. Дюришина «Проблемы

¹ Д. Марков, Всесторонне исследовать социалистические литературы. «Новый мир», 1970, № 12, стр. 216.

² Там же.

³ E. Bajtár, Quelques problèmes de la poésie socialiste est-européenne entre 1914 et 1929. «Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae» 1967, t. 9, стр. 227—242; E. Bajtár, Poésie pure — poésie communiste. «Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae» 1968, t. 10, стр. 307—330.

⁴ L. Illés, Sozialistische Literatur und Avantgarde. «Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae» 1970, t. 12, стр. 53—64.

литературной компаративистики» и «Из истории и теории литературной компаративистики».⁵ Значение его работ выходит далеко за рамки словацкого литературного процесса, в частности — предложенная им классификация типов и форм литературных связей и взаимодействий, принципиальная схема которых приводится нами и конкретизируется на эстонском материале в журнале «Кеэль я Кирьяндус».⁶ В своей классификации Д. Дюришин исходит из общепризнанного в марксистском литературоведении понимания литературных взаимосвязей и взаимодействий как (а) историко-генетических, т. е. складывающихся в результате исторического общения национальных литератур и возникающих в ходе этого непосредственных контактов, и (б) историко-типологических, т. е. схождения и аналогий в этих литературах, пристекающих от сходных условий общественного развития, при отсутствии непосредственной связи между ними. Как отмечает автор, первая часть его классификации (дифференцируемая далее вплоть до таких конкретнейших форм генетического взаимодействия, как реминисценция, импульс, филиация, заимствование, адаптация, пародия и т. п.) существенно отличается от второй, типологической, своим объемом. «Если аналогии типологического характера обнажают всеобщие зависимости между литературами, то разные виды контактных форм воздействия являются... основанием для определения наиболее узких связей между сравниваемыми явлениями».⁷ Понимая в то же время необходимость более широкой, литературно-процессуальной трактовки не только типологических, но и генетических связей между литературами, особенно в современную эпоху с ее сложной картиной литературных взаимодействий, не сводимых к одним лишь элементарным формам индивидуальных контактов, Д. Дюришин во второй из названных книг намечает и более широкую программу исследования — принцип соотнесения конкретного приема, формы контакта с остальными компонентами произведения, с более широкой традицией литературного рода, жанра, направления и т. п. «Путем оценки этих функций, — отмечает он, — компаративное исследование выходит за рамки узко понимаемого генезиса литературного явления и переходит в область генезиса в более широком смысле слова. [...] ... при дальнейшем анализе надо выделить информацию, которую предоставляет литературная традиция, конвенция, и информацию исключительно внелитературного характера». Традицию же как таковую «невозможно дефинировать определенным конкретным автором и произведением».⁸

В плане разработки такой, более широкой концепции генетических литературных связей значительный интерес представляют и исследования советских литературоведов. Как отмечает Г. М. Ломидзе, в современную эпоху у высокоразвитых литератур «прямое механическое влияние и подражание исчезло... В силу вступают более сложные и тонкие факторы. Не всегда представляется возможным достоверно определить: у кого конкретно учился тот или иной писатель. Возросшая художественная мощь позволяет национальным литературам освободиться от прямого подчинения, от покорного следования чужим образцам».⁹ Оговоримся сразу — конечно, и сейчас, во второй половине XX века, процесс самоутверждения в качестве самостоятельных национальных литератур словесного искусства ряда народов, лишь недавно освободившихся от оков колониализма, продолжается, и в ходе его развития, особенно на начальных этапах, те или иные виды литературного ученичества, с преобладанием более элементарных форм контактных связей, по-видимому, неизбежны. Речь у нас, однако, пойдет не о них, а о высокоразвитых литературах народов СССР, Восточной и Западной Европы, применительно к которым сама постановка вопроса о характере межлитера-

⁵ D. Durišin, Problémy literárnej komparatistiky. Bratislava, 1967; D. Durišin, Z dejín a teórie literárnej komparatistiky. Bratislava, 1970.

⁶ N. B a s s e l. Võrdleva kirjandusuurimise teoreetilisi probleeme. «Keel ja Kirjandus» 1971, nr. 8, стр. 449—457.

⁷ D. Durišin, Problémy literárnej komparatistiky, стр. 46.

⁸ D. Durišin, Z dejín a teórie literárnej komparatistiky, стр. 195—196.

⁹ Пути развития советской многонациональной литературы. М., 1967, стр. 20—21.

турных взаимоотношений будет выглядеть иначе. Как справедливо отмечает А. С. Бушмин, ведя речь о характере литературной преемственности применительно к русской советской литературе, «прямое влияние одного автора на другого» — лишь один из видов такой преемственности, не самый распространенный в современную эпоху, а само это влияние очень редко бывает универсальным, чаще оно затрагивает лишь известный аспект литературного творчества, будучи, по определению автора, «идейно-нравственным, эстетическим, проблемным, тематическим, стилевым...»¹⁰ и т. д. Существенно и другое — в творчестве представителя современной высокоразвитой литературы как бы переплавляются в качественно новом художественном синтезе импульсы, полученные (зачастую бессознательно) от многих как национальных, так и инациональных писателей; преображенные силой художественного таланта самобытного автора, они в итоге как бы деперсонифицируются. Это же имел в виду и Д. Дюришин, говоря о невозможности дефинировать литературную традицию определенным конкретным автором или произведением. Как Г. И. Ломидзе, так и А. С. Бушмин приходят к выводу о необходимости вести исследование генетической преемственности в современных национальных литературах прежде всего по пути выявления коллективных международных литературных традиций, в русле которых эта преемственность главным образом и реализуется.

Сказанное не должно, однако, означать призыва удариться в другую крайность при изучении литературных связей, а именно — абсолютно игнорировать любые факты индивидуально-осознанной литературной преемственности, особенно такие, что имеют концептуальное значение для рассматриваемого писателя. Так, очевидно, что при анализе «Берега ветров» А. Хинта было бы неправильно игнорировать повторяющийся в I и IV томах эпопеи толстовский мотив «люди как реки», так же как и проходящий красной нитью через IV том гётевский мотив "Der Mensch ist geschaffen, um zu wachsen, das ist der Sinn seines Daseins" (Человек создан, чтобы расти — в этом смысл его бытия). Оба варьирующихся мотива, равно как и образная аналогия из романа Р. Джованьоли «Спартак», используемая в III томе при трактовке ленинской темы, имеют для понимания авторской концепции отнюдь не маловажное значение. Было бы неверно недооценивать литературные реминисценции и образные аналогии из русской и зарубежной классики и при анализе таких произведений эстонской советской литературы, как «Вечер с Некрасовым» Ю. Смуула (из «Писем из деревни Сыгедате»), «Песни Гамлета» и «Кола Брюньон» П.-Э. Руммо, «Траурная поэма» М. Траата, «Настало время...» Д. Вааранди (в которых воссоздается поэтический образ великого турецкого поэта XX в. Назыма Хикмета), и целого ряда других. Вопрос в том, ради чего мы эти компаративистские экскурсы делаем — только ли ради регистрации и классификации каждого подобного случая литературной преемственности и, во-вторых, какую роль отводим этим формам литературной связи, ограничиваем ли только ими исследование генетических взаимосвязей современных литературных произведений. Дюришин совершенно справедливо видит смысл и цель литературной компаративистики «в познании типологической и генетической сущности литературного явления в рамках отечественной литературы и в конечном результате — в рамках мирового литературного процесса».¹¹ Далее он же, ведя речь о классификации литературных влияний по их характеру, справедливо делит их на активные и пассивные, существенные и частные.¹² Суть вопроса, видимо, и заключается в том, чтобы при исследовании связей найти формулу такого сочетания коллективных и индивидуальных форм литературной преемственности, которая соответствовала бы их реальным пропорциям в современном литературном процессе и не ориентировала исследователей на односторонние абсолютизации.

Поясним сущность нашей мысли на примерах из эстонской советской литературы последнего времени. Все более характерным для нее становится такой тип генетиче-

¹⁰ Вопросы методологии литературоведения. М.-Л., 1966, стр. 241.

¹¹ D. Durišin, Problemlu literárnej komparatistiki, стр. 23.

¹² Там же, стр. 79 и 85.

ской связи с литературными предшественниками, который справедливее было бы квалифицировать как подключение к тем или иным коллективным международным литературным традициям. Так, эстонская критика справедливо писала о связи романа Яана Крося «Между тремя вспышками чумы» (1970) с той международной традицией историко-философского романа о выдающейся личности прошлого, что восходит к произведениям подобного рода у Б. Брехта, Т. Манна и Л. Фейхтвангера, трактующих диалектику компромисса и бескомпромиссности в сложных исторических условиях (так наз. галилеевскую проблематику).¹³ Роман Э. Безкман «Шарманка» (1970) непосредственно восходит к литературной традиции современной социально-психологической утопии (антиутопии), точнее, к той ее разновидности, что представляет собою гротескное проецирование в далекое или недалекое будущее тех или иных черт современного быта, нравственности и т. п., причем гротескный эффект в основном и достигается благодаря подобному проецированию (традиция эта коллективная, международная и представлена в наиболее ярком виде рядом произведений А. Азимова, И. Ефремова, С. Лема, А. и Б. Стругацких и др.). В романе Л. Промет «Примавера» (1971) негрудно усмотреть сочетание международной традиции антифашистского и антивоенного романа (о любви, разрушенной войной) с чередованием современного и ретроспективного временных планов — и эстонской литературной традиции путевого дневника, являющегося одновременно и исповедальным по своему характеру «путешествием мыслей и чувств» (Ю. Смуул, «Ледовая книга») и антологическим эссе эстетико-познавательного характера о классическом искусстве дальних стран и народов (путевые книги И. Семпера и Ф. Тугласа). Совершенно очевидно, что ключом к пониманию генетической и типологической сущности этих произведений является в первую очередь та или иная коллективная литературная традиция, и уже на фоне ее та или иная индивидуальная литературно-художественная реминисценция или образная аналогия (например, картина великого итальянского художника Боттичелли «Ла Примавера» в романе Л. Промет) может рассматриваться как дополнительный, в последнем случае — весьма существенный для понимания авторской концепции художественный «код». Если же ограничиться только констатацией последнего — этого будет слишком мало для познания генетической, а тем более типологической сущности произведения. Примерно так же обстоит дело и с соотношением упомянутых выше индивидуальных реминисценций, мотивов и образных аналогий из Толстого, Гете и Джованьоли в романе А. Хинта «Берег ветров» и коллективных традиций советского историко-революционного романа и эстонской социально-исторической эпопеи (Э. Вильде, А. Х. Таммсааре и др.) в том же произведении. Если же современное литературное произведение целиком и преднамеренно строится на развертывании классической литературной реминисценции, образа и мотива (например, «Песни Гамлета» П.-Э. Руммо, «Вечер с Некрасовым» Ю. Смуула) — исследовательский акцент в первую очередь будет закономерно фиксироваться на этом, концептуальном для понимания произведения обстоятельстве; в то же время ограничиться изолированным рассмотрением только этого было бы недостаточно для выяснения генетической и типологической его природы в более широком смысле, его места в современной системе литературных координат. К тому же, подобные примеры в современной литературе встречаются не так уж часто, значительно реже, чем в предшествующие эпохи.

Далее, при рассмотрении современных генетических литературных связей следовало бы учесть и такой тип, как взаимодействие современного писателя «не прямо с творчеством предшественника, а как бы с «полем», им создаваемым».¹⁴ Пример подобного типа связи, приводимый Ю. Б. Боровым, — это взаимодействия Б. Брехта и А. Камю не непосредственно с Достоевским в плане индивидуального унаследования каких-то его мотивов, приемов, образов, а в более широком, концептуальном плане, — с «магнитным полем», созданным великим русским писателем в духовной жизни челове-

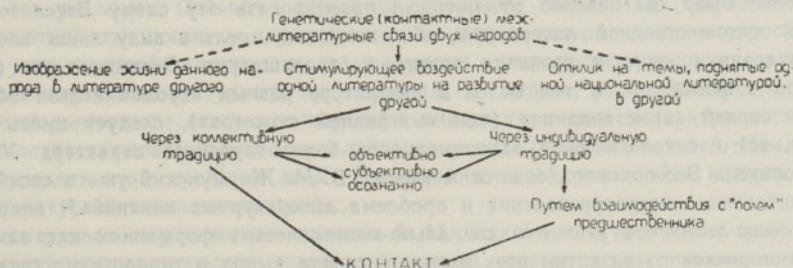
¹³ См. P. Liias, Balthasar Russow' kõietrikk. «Keel ja Kirjandus» 1971, nr. 4, стр. 238—241.

¹⁴ Ю. Боров, Эстетика. М., 1969, стр. 176.

чества (имеются в виду философские романы-концепции и пьесы-концепции Брехта и Камю). «Достоевский, — пишет Боров, — не вошел в «индивидуальную», «частную», «личную» традицию Брехта и повлиял на него как «общая» традиция, как те художественные завоевания, которые стали достоянием всей литературы. [...] Если «личная» традиция связана с непосредственным «сильным» воздействием на писателя его предшественника, то «общая» традиция означает создание им такой «литературной атмосферы», вне которой не может формироваться ни одно крупное литературное явление нового времени».¹⁵ Подобный тип литературного взаимодействия принято еще именовать ареальными связями.

Существенной формой литературно-жизненного взаимодействия, правда, выходящей за рамки чисто литературного компаративизма, является отображение писателем данного народа жизненной действительности другого или других народов. Подробней об этой форме у нас речь пойдет позже, в данном случае представляется важным не упустить ее как таковую из системы генетических литературных связей. Рядом с ней нельзя не отметить и такую сходную с ней форму, как отклик на темы, поднятые одной национальной литературой, в литературе другого народа.¹⁶

С учетом указанных замечаний и дополнений представляется бы, на наш взгляд, возможность изобразить соотношение различных типов генетической литературной связи в виде принципиальной схемы (см. схему).

Переходя далее к проблемам, связанным с изучением литературной типологии, хотелось бы отметить в первую очередь тесную взаимосвязанность всех трех приводимых Д. Дюришином градаций типологизма — общественного, литературного и психологического.¹⁷ Точнее — различия между этими тремя разновидностями не столь уж абсолютны, а скорее зависят от аспекта сравнения, от того, что берется за его основу — (а) общественная ли проблематика сопоставляемых литературных произведений, отражение в них похожих социальных процессов и явлений; (б) типология литературных жанров и видов, методов, направлений и стилей в разных национальных литературах, структура того или иного конкретного жанра в сравниваемых литературах; (в) сходство творческой психологии у писателей разных народов, родство их психологических натур.

Превалирование того или иного аспекта сравнения обусловливается в каждом конкретном случае характером исследуемого литературного материала, спецификой и целью исследования, при этом уже в ходе самого анализа акценты сравнения могут соответственно варьироваться и чередоваться. Так, общественно-типологический аспект будет превалировать, как только мы начнем сравнивать эстонскую советскую поэзию периода Великой Отечественной войны с поэзией того же времени других народов СССР, при дальнейшем сопоставлении наше внимание неизбежно сосредоточится на сходных жанровых формах, позднее мы сможем выйти и к фактам психологического типологизма; обнаруживаемым в разных национальных литературах народов нашей

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. Проблемы международных литературных связей. Л., 1962, стр. 2.

¹⁷ D. Durišin, Problémy literárnej komparistiky, стр. 96—103.

страны этого периода (например, у эстонского поэта Юхана Сютисте в «Душных днях» и у татарского поэта Мусы Джалиля в «Моабитских тетрадах»).

Очевидно, главный вопрос, возникающий при сравнительно-типологическом исследовании, — это что и как сравнивать. Д. Дюришин в своей книге «Из истории и теории литературной компаративистики» вновь и закономерно обращает наше внимание на те исходные принципы и возможности стадияльно-типологического сравнения литературных явлений разных народов, что содержится в «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского, особенно выделяя принцип психологического параллелизма, исходящий из концепции русского ученого о всеобщих по своей первоначальной сущности особенностях людской психики у разных народов.¹⁸ «Если подобность мотивов (в устном творчестве разных народов — Н. Б.) можно объяснить на основе самовозникновения как следствие так наз. всеобщих особенностей людской психики, — отмечает Д. Дюришин, — то подобие их дальнейших комбинаций и развития в народном творчестве предполагает, по Веселовскому, прямой либо опосредованный контакт».¹⁹ Имеется в виду сходство сюжетов в устном творчестве разных народов, которое Веселовский объясняет контактным путем.

Нельзя не согласиться со словами исследователем, когда он заявляет, что «невозможно тут... выделить область мотивов в типологическую сферу, с одной стороны, и область сюжетов — в контактовую сферу, с другой стороны»²⁰, ибо на практике обе эти сферы взаимно обуславливают друг друга и перекрещиваются одна с другой. Тем более было бы неверно механически проецировать эту схему Веселовского на область художественной литературы, ибо схема эта имела в виду лишь зачаточные стадии возникновения и развития поэтического мышления. Очевидно, что сходство сюжетов в фольклоре, а тем более в литературе разных народов нельзя объяснить лишь «теорией заимствования» (или «миграцией сюжетов»), следует иметь в виду прежде всего типологические закономерности более глубокого характера. Ученик и последователь Веселовского, советский ученый В. М. Жирмунский уже в своей работе «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний»,²¹ опираясь на марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях как закономерности исторического развития всех народов, сделал вывод о типологизме социального развития как определяющей основе литературного типологизма у разных народов. Последнее и стало методологической основой советского сравнительного литературоведения, ориентируя ученых на сопоставление таких явлений литературы разных народов, что характеризуется не просто «психологическим параллелизмом», но прежде всего принципиальным сходством породивших их социальных структур. Сказанное не исключает возможности в тех или иных случаях выдвигать на первый план исследования элементы психологического схождения творческих натур и их произведений, являющихся продуктами разных социальных структур, но с неперемным учетом этой разницы и возможных точек схождения исходной основы сопоставления. Думается, при таком подходе (и с обязательным учетом и моментов генетической преемственности) многое может проясниться и в интересующей эстонских исследователей уже много лет проблематике — А. Х. Таммсааре и Ф. М. Достоевский, относительно которой Э. Сийрак справедливо писала: «Какое-то странное сходство в их духовной структуре заставляет искать объяснения...»²². Далее, особо следует сказать о так наз. сюжетной типологии. Жорж Польти сводит все многообразие литературных сюжетов всех времен и народов к номенклатуре 36 драматических ситуаций, типа «роковая неосторожность», «адольтер,

¹⁸ См. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. В кн.: А. Н. Веселовский, Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 125—199.

¹⁹ D. Durišin, Z dejin a teorie literárnej komparatistiky, стр. 24.

²⁰ Там же, стр. 25.

²¹ В. М. Жирмунский, Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний. «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1936, № 3.

²² E. Siirak, Omapoolseks mälestusmärgiks. 90 aastat A. H. Tammsaare sünnist. «Sirp ja Vasar» 26. jaan. 1968.

приводящий к убийству», «самопожертвование ради близких» и т. п.²³ При таком подходе мало что может проясниться в смысле причин сюжетных сходств в произведениях литературы разных народов — ответ как бы задан уже наперед: в бесконечных вариациях одних и тех же «типовых» сюжетов и их «миграциях» от одного народа к другому, от одного писателя к другим. Значительно плодотворнее представляется концепция К. А. Фебина: «Не в том дело, что в литературе существуют бродячие сюжеты, переходящие из одной национальной письменности в другую, из одного фольклора в другой, а в том, что уклад жизни, действительность, социальные отношения в истории нации повторены и повторяются непрестанно повсюду».²⁴ В качестве примера К. А. Фебин приводит поразившее его сюжетное сходство между романом эстонского писателя А. Х. Таммсааре «Новый Нечистый из Пекла» и символической сказкой английского писателя О. Уайльда «Преданный друг». «Не сюжет, конечно, — замечает К. А. Фебин, — перебрел из Прибалтики на Британские острова, но там и тут однотипность отношений в жизни подсказывала фантазии разнообразные воплощения сходной действительности в рассказ.»²⁵

Вообще, думается, ограничив цель сравнительно-типологического изучения национальных литератур лишь поисками схожих сюжетов, мы бы непростительно сузили и поле, и сам смысл такого исследования. Конечно, в сюжетных сходствах литературный типологизм проявляется, может быть, в наиболее наглядном виде, однако случаев такого сходства (тем более — сюжетных совпадений) мы обнаружим у разных народов не так уж много. Очевидно, шкала литературного типологизма несравненно шире чистосюжетной типологии, — простираясь от уровня литературных «макроструктур» (метод, направление, стиль, род, жанр) до уровня «микроструктуры», т. е. структурных элементов внутри литературного произведения. Последнее, т. е. применение сравнительно-типологического анализа к изучению «микроструктуры» литературных произведений, получает, однако, различное толкование у разных исследователей. Немало внимания уделяет этой проблеме и Д. Дюришин в своей книге «Из истории и теории литературной компаративистики».

Рассматривая теоретическое наследие А. Н. Веселовского под углом зрения задач современной компаративистики, словацкий ученый сосредоточивает внимание на том, с каких позиций Веселовский подходил к решению проблемы исторической поэтики литературы. «Особенно настойчиво, — подчеркивает он, — решение названной проблемы проявилось в связи с вопросами истории литературных родов в их жанровом членении. Поэтому не случайно, что Веселовский пытался решить проблему истории всеобщей литературы при изучении истории эпоса, лирики и драмы...»²⁶ Конкретнее — считая, что попытка создания всеобщей истории литературы путем простого суммирования историй национальных литератур есть не что иное как создание «агломерата отдельных литератур, связанных белой нитью».²⁷ Веселовский в своих трудах по исторической поэтике поставил себе целью «проследить названную живую нить развития литературы в историях эпоса, лирики, драмы и романа».²⁸

В чем же видится Д. Дюришину рациональное зерно этой исследовательской концепции Веселовского для современного сравнительного литературоведения? Оговаривая (и весьма справедливо) те неизбежные сложности, которые возникают перед исследователем при применении родово-жанрового принципа, в частности то, «что схему развития, действительную для определенной модели развития (например, одной национальной литературы — Н. Б.) невозможно применить к другой модели»,²⁹ Дюришин,

²³ См. об этом: Е. Добин, *Жизненный материал и художественный сюжет*. Л., 1958, стр. 259—260.

²⁴ К. А. Фебин, *Из литературных бесед*. Собр. соч. в 9 т. Том 9. М., 1962, стр. 640.

²⁵ Там же, стр. 641.

²⁶ D. Ďurišin, *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*, стр. 29.

²⁷ А. Н. Веселовский, *Историческая поэтика*, стр. 446.

²⁸ D. Ďurišin, *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*, стр. 30.

²⁹ Там же, стр. 31.

однако, усматривает рациональное в самом исходном принципе. Принцип этот он формулирует следующим образом: «от вопросов художественного языка и стиля в связи с первичными мотивами и символами в народном творчестве через вопросы сюжета и сюжетности к реконструкции специфических путей развития литературных родов и жанров».³⁰ Сама идея исторической поэтики, считает он, оказывается весьма созвучной современному сравнительному литературоведению в его структурально-типологических исследованиях.

В этой связи, однако, возникает ряд вопросов, на которых не остановиться нельзя. Во-первых, на наш взгляд, простое сопоставление сходных структур одножанровых произведений разных эпох и литератур еще мало что дает с точки зрения сравнительного изучения литератур в их социально-исторической и национальной конкретности (в лучшем случае оно полезно для жанровой типологии всеобщей литературы). Не случайно и М. Б. Храпченко, и немецкий литературовед В. Краусс подвергли единодушной и справедливой критике те труды современных американских исследователей, в которых на основе чисто случайных совпадений их структурной модели в один типологический ряд выстраиваются столь различные по своей социально-исторической и эстетической природе произведения разных времен и народов, например, гуситские хоралы средневековой Чехии, отдельные стихи английского лирика XVI в. Филиппа Сиднея, А. Пушкина, польского поэта XIX в. Ц. К. Норвида, болгарского поэта-революционера Христо Ботева, А. Блока и О. Мандельштама³¹ или же — произведения японского новелиста XVIII в. Уэда Акинари и Проспера Мериме, «Потерянный рай» Мильтона и «Зенд Авеста» Зороастры.³² Как отмечает М. Б. Храпченко, чистой иллюзией является в подобных случаях вера исследователя, «что он открыл фундаментальные законы построения литературного художественного произведения. [...] «Открытие» единообразной структуры у гетерогенных литературных явлений показывает, что исследователь упустил из сферы внимания главное, характерное в приведенных им произведениях. Поэтому неприемлемы и его типологические конструкции».³³

Совершенно очевидно, что речь идет о язвениях, прорывающихся от принципиально неверной общеметодологической основы многих американских и западноевропейских компаративистов. Подобный внеисторический подход, при котором за исходное берутся лишь чистоструктурные совпадения, уже не может быть характерен не только для советских, но и для восточноевропейских исследователей из социалистических стран, кладущих в основу изучения литературы марксистский принцип историзма. Вопрос, однако, заключается в другом — какое структурно-типологическое сравнение будет «работать» на те цели, которые ставит перед собою марксистское сравнительное литературоведение? Очевидно, лишь такое, где критерием сравнения берутся те структурообразующие элементы, что играют существенную, концептуальную роль в идейно-художественном комплексе произведения как целого. Значит, — не просто соотношение событийно-описательного и лирического плана в «Ледовой книге» Ю. Смуула и «Дневных звездах» О. Берггольд как произведениях «лирической прозы» начала 1960-х годов, а в первую очередь — внутренний монолог лирического героя той и другой книги во всем его национальном, жанровом, эмоционально-стилистическом и структурном своеобразии. Не просто соотношение пейзажа с остальными структурными элементами повествовательной прозы у К. Паустовского и Ч. Айтматова, а своеобразие пейзажа у того и другого, та особая роль, идейно-художественная функция, которую он в произведениях каждого из этих писателей выполняет. Как мы видим, и сама шкала сравнения оказывается шире, многогранней, чем при узкоструктурном сопоставлении. В сущности своей подобный подход соответствует той широкой программе срав-

³⁰ Там же, стр. 32.

³¹ См. М. В. Храпченко, *Typologische Literaturforschung und ihre Principien*. В кн.: *Aktuelle Probleme der vergleichenden Literaturforschung*. Akademie-Verlag, Berlin, 1968, стр. 29.

³² См. Werner Krauss, *Grundprobleme der Literaturwissenschaft*. Rowohlt Taschenbuch Verlag, Hamburg, 1968, стр. 113.

³³ М. В. Храпченко, указ. раб., стр. 29.

нительного изучения литератур, которую Д. Дюришин вслед за А. Н. Веселовским считает оптимальной.³⁴ Как показывает уже весьма богатая практика марксистского сравнительного литературоведения в СССР и странах социализма, возможности его не ограничиваются скрупулезным сопоставлением похожих микроструктур. Последнее может рассматриваться лишь как один из возможных уровней сопоставления (имея в виду, конечно, и вышеприведенные оговорки). Очевидно (и это хорошо продемонстрировал М. Б. Храпченко в процитированной выше статье³⁵), что исследовательский диапазон сравнительно-типологических работ может простирается от наиболее «макроструктурного» (на котором речь идет о типологии идеологической, методов, направлений и т. п.) до наиболее «микроструктурного» уровня художественной литературы.

Среди положений, последовательно защищаемых Д. Дюришином, особенно ценным в методологическом отношении представляется его тезис о принципиальной примарности для сравнительного изучения литератур контекста воспринимающей литературы. Тезис этот противопоставляется имеющим хождение в западной компаративистике представлениям о том, что главной задачей изучения литературных связей между народами является выяснение источников влияний одной литературы на другую. Кстати, отголоски этой концепции еще достаточно сильны и в вышедшей в 1967 году во Франции книге Клода Пишуа и Андре-М. Руссо «La Littérature Comparée», представляющей собой в настоящее время одно из наиболее популярных на Западе сводных пособий по сравнительному литературоведению. Так, специальный раздел посвящается в книге проблемам «судьбы, успеха, влияний и источников» литературных произведений³⁶, где продолжается известная традиция в этом вопросе классических трудов по теории компаративистики П. Ван Тигема и М. Ф. Гюйяра. Новым и заслуживающим внимания является следующий за этим раздел, озаглавленный «Формула X и Y и ее толкование».³⁷ Здесь предпринята интересная попытка сконцентрировать сущность «всех работ, изучающих судьбу, успех, влияние, источники, ... в один тип: X и Y». При этом «X, как и Y, может обозначать по желанию континент, цивилизацию, нацию, все творчество данного автора, автора самого (наиболее часто), отдельный текст, отдельный пассаж, фразу, слово. Между этими двумя переменными величинами нет никакой постоянной границы во времени и пространстве. [...] Что касается союза «и», то следующий список указывает несколько его значений. «И» может обозначать: *увиденный, обсужденный, под влиянием (влияющий на), ориентирующий на, граничащий с, путешествующий по, мечтающий о, переведенный на, сыгранный, иллюстрированный, прочитанный* и т. д.» Как отмечают далее авторы книги, между исследованием, трактующим отношения Востока и Запада, и небольшим сообщением о судьбе единичного иностранного слова в данной поэме они видят различие лишь в объеме изучаемых явлений, но принципиальная формула «X и Y» остается той же.³⁸

Мы еще вернемся к этой интересной формуле в связи с вопросом о различных типах компаративистских исследований. Здесь же отметим, однако, что исследователю какой-либо конкретной темы отнюдь не безразличным должен быть вопрос, какая половина формулы для него примарна, т. е. исследует ли он данный факт литературных взаимоотношений в аспекте воспринимающей или, наоборот, воздействующей литературы. Даже если речь идет о литературном типологизме (тогда формула примет вид $X \parallel Y$, $X \sim Y$), существенным останется вопрос о том, аспект которой из рассматриваемых литератур служит для исследователя исходным. Не случайно, например, книга венгерского литературоведа И. Шётера называется «Аспекты и параллелизмы венгерской литературы»³⁹, чем подчеркивается примарность аспекта национальной литературы при изучении ее сходств и связей с литературами других народов.

³⁴ D. Đurišin, Z dejín a teórie literárnej komparatistiky, стр. 32.

³⁵ М. В. Храпченко, указ. раб., стр. 17—46.

³⁶ Cl. Pichois, A.-M. Rousseau, La Littérature Comparée. Librairie Armand Colin. Paris, 1967, стр. 73—82.

³⁷ Там же, стр. 83—87.

³⁸ Там же, стр. 83—84.

³⁹ J. Sötér, Aspects et parallélismes de la littérature hongroise. Budapest, 1966.

Проблема эта не потеряла своей актуальности и у нас. Правда, ныне можно считать уже пройденным тот этап в развитии советского литературоведения, когда появились работы о влиянии русских классиков, в том числе М. Горького и В. Маяковского, на литературы народов СССР, зачастую весьма легковесные в научном отношении, страдавшие натяжками в установлении фактов такого влияния и механически-упрощенным пониманием самого характера литературного взаимодействия.

Преобладал в таких работах аспект не воспринимающей национальной литературы, а литературы влияющей. Не случайно поэтому К. Корсакас писал в 1962 г., что подобные работы дискредитируют саму тему взаимосвязей советских национальных литератур⁴⁰, представляющих собою обоюдосторонний процесс. Закономерное недоверие вызывала подобная методика и в Эстонии, тем более что свежо еще было воспоминание о компаративистских исследованиях 1920—1930-х годов, когда исследователей намеренно ориентировали на возможно более скрупулезное выявление иностранных источников тех или иных произведений эстонской литературы, что приводило зачастую к умалению ее национальной самобытности.

К сожалению, недостатки подобного рода, пронстекающие от неверной методологической ориентации (и во многом от традиции) встречаются, хоть и значительно реже, и поныне. Мы имеем в виду, например, голословно-декларативные утверждения (подтверждаемые «красноречивыми» цитатами, высказываниями писателей других народов) о влиянии, которое имел и имеет тот или иной классик на литературы других народов — подобные концовки можно нередко встретить в монографических главах школьных учебников по литературе. Влияние эти классики бесспорно имели и имеют, и очень даже большое, но как, какими сложными и непростыми путями оно конкретно обогащает литературу других народов — этого школьные учебники не раскрывают. А между тем, в условиях советских национальных республик особенно, раскрытие подобных явлений взаимодействия русской и данной национальной литературы в плане их взаимообогащения приобрело бы значение более действенного фактора интернационального воспитания, чем общедекларативные фразы о значении и влиянии. Думается, под этим углом зрения в существенных дополнениях нуждаются и учебники русской литературы для эстонских школ.

Традиция рассматривать формулу «X и Y» в аспекте не воспринимающей, а скорее воздействующей литературы коренится и в бытующем до сих пор разделении литератур на бесспорно «законодательные» и «незаконодательные». Начало свое подобный взгляд берет еще со времен классицизма, когда французская литература стала законодательницей литературной моды в общеевропейском масштабе. Бесспорно, на тех или иных этапах историко-литературного процесса та или иная национальная литература (или группа литератур) может выдвигаться на передний план литературно-эстетического развития, оказаться в роли «законодательной» — таким образом «центр тяжести» мирового литературного процесса может переходить от одного народа к другому (от французской в XVII в. к немецкой в конце XVIII в., далее к русской в XIX в. и т. д.), вследствие чего сам этот процесс можно было бы условно рассматривать как своеобразный диалог разных национальных культур. Однако (1) эта иерархия национальных литератур исторически меняется и было бы незерно рассматривать ее статически, (2) принадлежность к «законодательной» литературе сама по себе не может быть еще порукой высокой идейно-эстетической ценности любого входящего в нее писателя, произведения, явления и т. п. Значит, необходимо понимание системы связей между различными национальными литературами как исторически переменчивой, динамически подвижной и относительно лабильной структуры, что требует понимания в первую очередь исторических закономерностей развития мирового литературного процесса. Тогда удастся избежать тех односторонних и ненужных преувеличений роли «влияющей» литературы, о которых говорилось выше.

⁴⁰ К. Корсакас. Если мы хотим двигаться вперед... (Задачи и недостатки пропаганды принципов интернационализма). «Дружба народов», 1962, № 8, стр. 253—261.

Взятие в качестве исходного контекста воспринимающей литературы позволит, например, не просто говорить о мировом значении Тургенева, а конкретно проследить историю восприятия его творчества у разных народов, выявив определяющие тенденции и национальное своеобразие этого восприятия.⁴¹ Сложнее обстоит дело при сопоставлении более или менее равновеликих величин разных национальных литератур, например, Байрона и Пушкина. Что здесь брать за исходное — воспринимающий национальный литературный контекст или международный литературный процесс рассматриваемой эпохи?

«Могло бы казаться, — пишет о таких случаях Д. Дюришин, — что существует определенное противоречие между подчеркиванием избирательности и доминантного положения принимающей литературы и тезисом парциальности исследования истории национальной литературы на фоне собственной динамики развития (международного литературного процесса — Н. Б.). Это противоречие только кажущееся и вытекает из диалектики особенного и всеобщего. При изучении межлитературных связей с точки зрения национальной литературы в позиции всеобщего развитие национальной литературы выступает как целостная структура. В функции особенного выступают (здесь — Н. Б.) отдельные строительные элементы развития национальной литературы, между ними, например, и межлитературные связи и зависимости. Но с точки зрения процесса развития мировой литературы национальная литература оказывается в позиции особенного и подчинена закономерностям и тенденциям развития мировой литературы как явлению всеобщему. Значит, здесь идет в сущности речь об оценке явлений с точки зрения иной иерархически высшей либо низшей структурной единицы».⁴²

Приведенные положения Дюришина представляются принципиально важными не только для тех или иных конкретных случаев, но и в общеметодологическом плане. Акцентирование доминантности контекста воспринимающей литературы при исследовании связей данной национальной литературы, взгляд на систему «законодательных» и «незаконодательных» литератур как исторически постоянно меняющуюся, лабильную структуру, диалектический взгляд на литературные связи как особенное или всеобщее (с точки зрения национального или мирового литературного процесса) — все это позволяет диалектически рассматривать и сложную систему литературных взаимосвязей в современном мире. Применительно к современной литературе народов СССР это означает: (1) рассмотрение инонациональных воздействий на них с точки зрения того, что это дало развитию данной национальной литературы; (2) возможность видеть структуру многонациональной советской литературы как динамически подвижную, меняющуюся на разных этапах систему (в которой на современном этапе, например, идейно-художественный уровень подавляющего большинства ее составных членов сравнялся и в этом смысле уже принципиально не отличается от уровня развития русской советской литературы), (3) возможность рассматривать литературные связи советских национальных литератур как аспект национального развития каждой из них и одновременно, *summa summarum* — как общую и важную закономерность развития всей многонациональной советской литературы в целом.

Одной из существенных проблем, возникающих перед сравнительным литературоведением на современном этапе его развития, является соотношение межлитературного сравнения с внутрилитературным. Речь идет в сущности о сфере действия компаративистики, о ее границах. Как справедливо отмечает Д. Дюришин, «сравнительное изучение литератур... (до сих пор — Н. Б.) развивалось параллельно с историей национальной литературы и предмет его исследования представляли преимущественно межлитературные связи и зависимости. При этом была запущена внутренняя зависимость и взаимная обусловленность межлитературного процесса с внутрилитературным. [...] при сравнительном исследовании нельзя совершенно упускать из виду ни гене-

⁴¹ См. об этом: D. Durišin, *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*, стр. 211—223.

⁴² Там же, стр. 94.

тические, ни типологические связи и зависимости, идет ли речь о явлениях, относящихся к межлитературным связям либо к связям (внутри) одной национальной литературы. Разницы между внутрилитературной и межлитературной сферой наверняка существуют, но не имеют принципиального характера. Наоборот, они внутренне друг друга взаимно дополняют и обуславливают».⁴³

Тезис этот Д. Дюришин стремился обосновать еще в «Проблемах литературной компаративистики» — прежде всего тем, «что основные методические исходные точки аналогичны как при межлитературном, так и при внутрилитературном исследовании. В том и другом случае в сущности одинаково действителен принцип связи между воспринимаемым и воспринимающим явлениями, в том и другом случае речь идет о творческой либо нетворческой трансформации литературных ценностей в художественной системе воспринимающего явления»⁴⁴ и т. д. Принципиально одинаковыми оказываются и формы меж- и внутрилитературных генетических и типологических связей. Конечно, различия между внутринациональными и межнациональными литературными связями есть, касаются они роли посредника, органичности воспринимаемой традиции и т. п., но в данном случае речь идет не о том, что их разделяет, а о том, что их объединяет — в смысле структуры литературных связей. Суть идеи Д. Дюришина — в стремлении к такой интеграции внутрилитературного и межлитературного взгляда на генетическую и типологическую природу произведения, которая позволит рассматривать его в системе координат как национального, так и международного литературного процесса. К сожалению, на практике мы еще сплошь и рядом сталкиваемся с подчеркнутым отмежеванием одного аспекта от другого. Зачастую это происходит от одностороннего понимания компаративистики как науки только об инонациональных связях и взаимодействиях или, с другой стороны, от боязни, что «вторжение» сравнительного литературоведения в сферу сугубо национального приведет к «разрушению» его внутрисистемных связей. Меж тем, как справедливо пишет Д. Дюришин, «взгляд на внутрилитературные связи в их взаимной соотношенности со связями межлитературного характера находит свое осуществление в конечной стадии сравнительного аспекта, в изучении собственно межлитературного процесса развития. Этот процесс, который реализуется и взаимной обусловленностью обоих упомянутых сфер (межлитературной и внутрилитературной), является собственно предметом сравнительного исследования в наибольшей мере.»⁴⁵

Оговоримся — наверное, не всякое произведение национальной литературы поддается подобному «раскладыванию» и в той и в другой системе координат, есть произведения, в национальном контексте очень даже значительные, но в этом контексте и остающиеся — в результате неадекватности «их воздействия на национальное самосознание и значения их... для других народов».⁴⁶ Есть своя справедливость и в утверждении венгерского литературоведа Л. Нирё: «Сравнительная литература имеет в поле зрения исследование литературных явлений, вытекающих из отношений между национальными литературами, которые не могут быть полностью вменены в историю национальной литературы.»⁴⁷ Нет, видимо, смысла «натягивать» любое произведение национальной литературы на каркасы обоих вышеозначенных систем координат, как и, впрочем, отрицать то, что наибольший и закономерный интерес компаративиста привлекают все же произведения такого типа, о которых ведет речь Л. Нирё. Опаснее другое — когда «стремление включить в область исследования и внутрилитературные точки зрения считается экстремным»⁴⁸ (как это, например, делают французские исследователи К. Пишуа и А.-М. Руссо⁴⁹). Что касается советской литературной науки, то все усиливаю-

⁴³ Там же, стр. 150.

⁴⁴ D. Ďurišin, *Problémy literárnej komparatistiky*, стр. 20.

⁴⁵ D. Ďurišin, *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*, стр. 150.

⁴⁶ М. Храпченко, О прогрессе в литературе и искусстве. Статья вторая. «Вопросы литературы», 1970, № 6, стр. 69.

⁴⁷ L. Nyirő, *Problèmes de littérature comparée et théorie littéraire*. В кн.: *Littérature hongroise, littérature européenne*. Budapest, 1964, стр. 505.

⁴⁸ D. Ďurišin, *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*, стр. 151.

⁴⁹ Cl. Pichois, A.-M. Rousseau, указ. раб., стр. 175.

щийся в ней интерес к диалектике национального и интернационального в литературе свидетельствует о последовательном стремлении все более органично синтезировать межлитературную и внутрилитературную точки зрения, выявлять типологическую и генетическую природу литературного произведения в обоих названных планах, что по сути согласуется с тем широким пониманием задач сравнительного литературоведения, о котором ведет речь Д. Дюришин. Более того, преобладание при анализе этой диалектики внутреннего взгляда на структуру литературного произведения, исходя из чего и прослеживается его типология и генезис как в национальном, так и в интернациональном плане, еще более способствует решению этих задач, будучи реальной альтернативой как внешнеконтактной односторонности традиционной компаративистики, так и растворению национального в «супернациональных» структурах, свойственному современной американской «general literature». Советское литературоведение рассматривает при этом историко-типологическое сравнение не как самостоятельную литературоведческую дисциплину, а как исследовательский метод, применяемый как во внутринациональной, так и в межнациональной литературных сферах.

Существенной проблемой, связанной с методологией и методикой сравнительного литературоведения, является также интерпретация инонациональной тематики в литературе данного народа. Вопрос заключается в том: входят ли подобные интерпретации в сферу сравнительного литературоведения или же, наоборот, индифферентны с компаративной точки зрения, поскольку являются прежде всего свидетельством международных, а не межлитературных связей? Разные исследователи трактуют этот вопрос по-разному. Так, составители сборника Ленинградского государственного университета «Проблемы международных литературных связей» (Л., 1962) рассматривают «образ народа или национальной цивилизации в литературе другой страны», наряду с «откликом на темы, выдвинутые данной национальной литературой, в литературах иностранных»,⁵⁰ среди главнейших форм межнационального литературного взаимодействия. Вообще в советской литературной науке уже давно стало традиционным рассматривать отображение инонациональной тематики в литературе данного народа как важное проявление интернациональных связей литератур. «Интернационализм в художественном произведении, — пишет Г. И. Ломидзе, — качество социальное и у писателя и у самих героев, мировоззренческое, идейно-эстетическое, ... хотя, конечно, существенна и сама тема интернационализма».⁵¹ Подобного рода высказывания встречаются у К. Л. Зелинского, М. Н. Пархоменко и многих других теоретиков многонациональной советской литературы, в которой интернациональная тематика не только получила необычайно широкое распространение, но и стала одним из существенных факторов формирования многонационального единства литературы советских народов.

Д. Дюришин, рассматривая вопрос об интерпретации инонациональной тематики в литературе данного народа с точки зрения задач и целей литературной компаративистики в узком смысле слова, предлагает следующий дифференцированный подход к проблеме: необходимо «различать произведения с инонациональной тематикой в собственном смысле слова, при которых не реализуется какое-либо межлитературное отношение, и произведения с инонациональной тематикой, при создании которых содействовали литературные импульсы инонационального характера. В первом случае видимая, внешняя межлитературность оказывается данной (самой) инонациональной темой, что не может иметь и действительно не имеет ничего общего с инонациональным литературным процессом в собственном смысле слова. В другом случае, наоборот, инонациональная тематика претворяется посредством действительно внутриконтактного отношения к подобному произведению инонационального происхождения. Тут предметом исследования является не способ художественного претворения инонациональной

⁵⁰ Проблемы международных литературных связей. Л., 1962, стр. 2.

⁵¹ Г. Ломидзе, Интернациональный пафос советской литературы. М., 1967, стр. 135.

тематики, . . . а, наоборот, способ, причины и следствия реализации отношения к инолитературной традиции . . .»⁵².

Конкретно, в первом случае Д. Дюришин имеет в виду такие произведения ионациональной темы, которые весьма поверхностны по характеру ее разработки и остаются лишь экзотическими литературными экскурсами писателя в чужую страну без соприкосновения с ее национальными и литературными традициями. Как пример он приводит пьесу Лопе де Вега «Великие московские князья и наследник престола», сравнивает ее с другими «лжедмитриадами» писателей разных народов, в том числе и словацких, например, Яна Паларика, явно перекликавшегося с русской традицией разработки этой темы. Конечно, мы вполне разделяем критическое отношение словацкого ученого к подобным поверхностным интерпретациям ионациональной тематики. Вопрос, однако, в другом — считать ли в принципе индифферентными с точки зрения сравнительного литературоведения любые интерпретации ионациональной тематики, не перекликающиеся так или иначе с литературной традицией изображаемого писателем народа?

Нам думается, что не совсем верно выводить за рамки сравнительного литературоведения любое произведение подобного рода только лишь на основании отсутствия связи с ионациональной литературной традицией. Скорее то, о чем в позитивном смысле ведет речь Д. Дюришин, подошло бы под определение «отклика на темы, выдвинутые данной национальной литературой, в литературах иностранных».⁵³ А как же быть с «образом народа или национальной цивилизации в литературе другой страны»⁵⁴? Всегда ли это так уж «индифферентно» с точки зрения литературной компаративистики?

Понимая, видимо, некоторую категоричность своего тезиса, Д. Дюришин вносит уточнение: «ситуация меняется в том случае, когда сравнительный принцип выходит за пределы генетической области и перерастает до области типологической, области межлитературных зависимостей. [...] Предметом исследования становится, однако, уже не произведение, с одной стороны, и ионациональная тематика, с другой, а определенный ансамбль произведений в их жанровом отношении. Тематика в этом случае представляет только фон, общий знаменатель для литературоведческого обобщения».⁵⁵

Д. Дюришин имеет здесь в виду сопоставление произведений писателей разных народов на одну определенную ионациональную тему (как пример можно привести образ Дон-Жуана или Лжедмитрия в литературах разных народов). Однако, думается, и этим аспектом дело ограничиваться не может. Опираясь на богатую в этом отношении традицию русской литературы, а также литератур других народов СССР, в том числе и эстонской, мы поставили бы вопрос о так наз. обратной связи, т. е. о воздействии ионациональной тематики на образный строй, художественную структуру в целом данного произведения данной национальной литературы, эту тематику трактующего. Не случайно К. Л. Зелинский назвал одну из основных своих работ на эту тему «Что дают русской литературе народы СССР»⁵⁶, проследившая детально, как само вхождение в произведения русских советских писателей национальной тематики, идей и образов того или иного из многочисленных народов Советского Союза обогащает их идейное содержание и художественную структуру (например, грузинская тематика — поэзию Н. Тихонова, среднеазиатская — поэзию В. Луговского, чукотская — прозу Т. Семушкина и т. п.). Проследить эти пути обратного воздействия ионациональной тематики на художественный мир трактующего ее писателя — задача, пожалуй, даже более сложная, тонкая, чем установление факта связи с ионациональной литературной традицией там, где она сразу бросается в глаза. А если не

⁵² D. Durišin, *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*, стр. 241.

⁵³ Проблемы международных литературных связей, стр. 2.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ D. Durišin, *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*, стр. 242—243.

⁵⁶ См. К. Зелинский. Октябрь и национальные литературы. М., 1967, стр. 241—271.

ограничиваться одной лишь художественно-эстетической «обратной связью», а иметь в виду и мировоззренческую, идеологическую, нравственно-этическую и т. п. «обратную связь», возникающую между автором — представителем одного народа — и объектом его изображения — жизнью и историей другого народа? А если вспомнить, например, сколь важную роль в формировании русского романтизма как метода сыграло обращение его представителей к ливонской, кавказской и подобным темам, далеко не всегда сопровождаемое контактом с литературной традицией изображенных народов?

Очевидно, что когда мы говорим об интерпретации инонациональной тематики писателем данного народа, мы не можем ограничиться лишь теми случаями, когда эта интерпретация перекликается с собственно литературной традицией изображаемого народа, а берем проблему шире, имея в виду и иные, не только литературные, национальные традиции этого народа, с которыми соприкасается писатель, и различные виды «обратной связи» инонациональной тематики и ее интерпретатора. Исходим мы при этом из многоаспектности этих связей и комплексности их воздействия на писателя, что так или иначе, прямее или косвеннее, но сказывается и на собственно эстетической природе его творчества. Разумеется, мы исключаем поверхностные экскурсы в жизнь и историю других народов, поиски дешевой экзотики, так наз. комментированные путеводители и тому подобные литературные суррогаты. Но в целом смысл исследования такой формы взаимодействия, как интерпретация инонациональной тематики, представляется нам шире и глубже, нежели только констатирование того, реализовалась в данном случае или нет межлитературная связь в узком значении слова.

Современное состояние сравнительного литературоведения позволяет поставить вопрос как о «спектре» исследований в данной области, так и о перспективах и дальнейших возможностях развития этого направления литературной науки.

В советском литературоведении термину «сравнительное литературоведение» закономерно предпочитают более широкое и емкое определение — «изучение взаимосвязей и взаимодействий литератур», ибо, как справедливо отмечает И. Г. Неупокоева, «для марксистского литературоведения не существует дилеммы — или сравнительное или генетическое (историческое) изучение. Оба эти принципа в нашем понимании не антагонисты, но союзники».⁵⁷ Одновременно такое понимание предполагает и значительно более широкий диапазон исследовательских жанров и возможностей рассматриваемой области литературной науки. В самом деле, мы не ограничиваем ее узко понимаемыми чистокомпаративными исследованиями. Здесь могут иметь место самые разнообразные исследовательские жанры — от работ, которые принято именовать литературным краеведением, вплоть до теоретических исследований сравнительно-типологического характера, раскрывающих диалектику национального и интернационального в литературе. Припомнив формулу, предложенную К. Пишуа и А.-М. Руссо для обозначения различного рода компаративных исследований, — «X и Y», можно было бы отметить, что варианты ее в реальной практике советского литературоведения необычайно многообразны. Доминирующей, однако, все более и более становится тенденция не просто регистрировать те или иные факты межлитературных контактов, количественно накапливать фактологический материал о связях национальных литератур, но идти вглубь, к выявлению наиболее коренных закономерностей межнационального историко-литературного процесса в прошлом и современности, — как в плане генетических взаимодействий, так и типологических соотношений явлений разных национальных литератур.

В последнее время стали отчетливо намечаться и некоторые новые перспективы и возможности расширения традиционной области сравнительного литературоведения. Прежде всего — в направлении выхода к сравнительному изучению искусств. Как справедливо отмечает Д. Дюришин, «возможности дальнейшего членения контекстов рецептора предоставляют особенно связи художественной литературы с остальными

⁵⁷ И. Г. Неупокоева, Вопросы методологии изучения литератур в их взаимосвязях и взаимодействиях. «Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae», t. V, 1962, стр. 33.

отраслями искусства. Можно здесь упомянуть, например, театральную и кинематографическую режиссуру драматургических произведений и произведений, подлежащих драматизации. Нельзя не упомянуть деятельность артиста и т. п. Особые проблемы приносит с собой перцепция литературных произведений иллюстратором или композитором. Интерпретаторская деятельность этих и некоторых других рецепторных контекстов представляет нам возможность исследования сложных отношений между отдельными родами искусства». ⁵⁸

Интересные возможности расширения традиционной компаративистской сферы представляет современная теория информации. Д. Дюришин в соответствующей главе своей последней книги останавливается на теоретической стороне проблемы. ⁵⁹ Здесь он стремится изобразить «принципиальную схему» литературной компаративистики в категориях теории информации и одновременно этим «проверить некоторые признанные суждения теории литературной компаративистики, и этим путем либо подтвердить их, либо, наоборот, обнажить содержащиеся в них ошибки и непоследовательности». ⁶⁰ Изобразив интересующую его схему как соотношение $A - D - P$ (автор — произведение — рецептор), Д. Дюришин далее дифференцирует последний член этой схемы на контексты читателя (C), литературной критики (K), литературоведения (LV), перевода (T) и контекст художественной литературы (A). Подробно рассмотрев особенности трансформации воспринимаемого литературного произведения в каждом из этих рецепторных контекстов, в частности, возникающие при этом особенности «обратной связи» (например, как читательский вкус, существующее литературное сознание и т. п. корригируют в свою очередь издательскую и переводческую практику), Д. Дюришин приходит к интересным выводам о первичном (T и A) и вторичном (C , K и LV) каналах литературной информации, характеризующихся различным информационным кодом и различной степенью «утери информации». То, что автор прибегает к категориям теории информации, позволяет ему еще раз апробировать и подтвердить правильность его тезисов о решающей роли воспринимающего контекста, о понимании предмета компаративистики как сферы взаимосвязей и взаимодействий не только меж-, но и внутринациональных, о трактовке ее не как изолированной ветви науки о литературе (наряду с историей, теорией и критикой литературы), а как «своеобразного подхода, который с точки зрения принципов литературной коммуникации только исходит из течения канала информации $A_1 - D_1 - A_2 - D_2$, но не ограничивается им, охватывая все элементы литературной коммуникации». ⁶¹

Стремление расширить и одновременно углубить возможности компаративного анализа литературы при помощи теории информации и современной социологии продемонстрировали в своих докладах на VI конгрессе Международной ассоциации по сравнительному литературоведению в Бордо в сентябре 1970 г. советские литературоведы Н. И. Балашов, Ф. С. Наркиньер и Е. Ф. Трущенко. Первый из них попытался на материале испано-славянских литературных отношений XVII в. осветить социологические аспекты внешней, внутренней и совмещенной систем связей в сравнительном литературоведении; второй говорил о документальном жанре современной литературы как специфическом средстве коммуникации; третий связывал проблему поисков новых форм в современной литературе с проблемой коммуникативности литературы. ⁶² Совершенно очевидно, что подобные выходы в более широкую систему координат (литература и общество в социологических и информативно-коммуникативных аспектах их соотношений) способны лишь обогатить сравнительное изучение литератур.

Рассмотренные нами в настоящей статье теоретические проблемы сравнительного литературоведения представляются весьма актуальными в свете задач, стоящих перед

⁵⁸ D. Đurišin, Z dejín a teórie literárnej komparatistiky, стр. 354.

⁵⁹ Там же, стр. 185—209.

⁶⁰ Там же, стр. 185.

⁶¹ Там же, стр. 192—193.

⁶² VIe Congrès de l'Association Internationale de Littérature Comparée (Bordeaux, 1970). Resumes des communications de la délégation soviétique. Leningrad, 1970, стр. 10—12, 16—17, 18—20.

исследователями многонациональной советской литературы. Использование новейших достижений в этой области литературной науки с марксистско-ленинских исходных позиций будет способствовать росту их методологической вооруженности и исследовательского мастерства в решении тех важных задач, что выдвигает перед ними поступательное движение многонациональной советской литературы во всем многообразии ее внутренних и внешних взаимосвязей и взаимодействий, в неразрывной диалектике национального и интернационального в ее сегодняшнем и завтрашнем развитии.

*Институт языка и литературы
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
26/XI 1971

N. BASSEL

VÖRDLEVA KIRJANDUSUURIMISE MÕNINGAID METODOLOOGILISI ASPEKTE

Resümee

Võrdleva kirjandusuurimise praeguse arenemisetapi üheks tähelepanuväärseks jooneks on suurenenud huvi metodoloogiliste probleemide vastu. Käesolevas artiklis peatataksegi mõned sellealastel küsimustel, mis võrdleva kirjandusteaduse arenemisperspektiivide seisukohast tunduvad aktuaalsetena ning sellistena pakuvad huvi ka paljurahvuselise nõukogude kirjanduse uurijaile.

Võttes vaatluse alla Nõukogude ja Ida-Euroopa sotsialismimaade kirjandusteoreetikute sellealaseid viimastel aastatel ilmunud töid, peatub autor eelkõige kirjandussuhete klassifitseerimise probleemidel. Käsitledes geneetilisi ehk kontaktsuhteid eri rahvaste kirjanduse vahel, püüavad mõned kirjandusteadlased laiendada vaatlusväli kollektiivsete rahvusvaheliste kirjandustraditsioonide lülitamisega võrdlevasse kirjandusuurimisse. Pooldades seda seisukohta, teeb autor katset määrata individuaalsete ja kollektiivsete traditsioonide suhteid kaasaja kirjandussidemete üldises struktuuris. Seejärel peatatakse kirjandusliku tüpologia eri aspektidel, nagu psühholoogiline parallelism, süzeeline tüpologia, kirjanduse «makro-» ning «mikrostruktuuride» võrdlemine jms.

Edasi käsitletakse vastuvõtva kirjandusliku konteksti osa kirjandussuhete uurimise seisukohalt ning seoses sellega ka nn. seadusandlike ja mitteseadusandlike rahvuskirjanduste küsimust ajaloo eri etappidel. Selgitatakse selle jaotuse muutumist ajaloo kestel, tema dünaamilist olemust, rahvuskirjandusliku ja maailmakirjandusliku aspekti dialektilist seost kirjandusnähtuste ja -suhete hindamisel.

Teose geneetilise ja tüpoloogilise olemuse väljaselgitamisel jääb oluliseks probleemiks kirjandustevahelise ja kirjandussisese võrdlemise integreerimine. See vabastaks võrdleva kirjandusuurimise metodoloogilisest ühekülgisusest, orienteerumisest ainult kirjandustevaheliste suhetele. Teise rahva elu käsitlemist rahvuskirjanduse poolt vaadeldakse kui rahvuskultuuri internatsionaalsete sidemete olulist külge, mis märgatavalt võib rikastada seda kirjandust nii temaatiliselt kui ka esteetiliselt. Lõpus osutatakse neile uutele võimalustele, mida võrdleva kirjandusuurimise ees avab võrdlev kunstiteadus, samuti informaatika ja sotsioloogia mõningate uurimismetodite rakendamine kirjandussuhete käsitlemisel.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Keele ja Kirjanduse Instituut*

Toimetusse saabunud
26. XI 1971

N. BASSEL

EINIGE METHODOLOGISCHE ASPEKTE DER VERGLEICHENDEN LITERATURFORSCHUNG

Zusammenfassung

Eines der bedeutendsten Kennzeichen der Entwicklung der heutigen vergleichenden Literaturforschung ist das wachsende Interesse für methodologische Probleme. Im vorliegenden Artikel wird auf einige Fragen der Methodologie und Forschungsmethodik eingegangen, die vom Standpunkt der Entwicklungsperspektiven der vergleichenden Literaturforschung aktuell zu sein scheinen und auch den Forschern der multinationalen Sowjetliteratur Interesse bieten.

Solcherart in den letzten Jahren erschienene Werke sowjetischer und osteuropäischer sozialistischer Literaturtheoretiker betrachtend, geht der Verfasser vor allem auf Probleme der Klassifizierung literarischer Beziehungen ein. Genetische bzw. Kontaktbeziehungen zwischen den Literaturen verschiedener Völker behandelnd, versuchen einige Literaturtheoretiker, das Beobachtungsfeld durch das Einschalten kollektiver internationaler literarischer Traditionen in die vergleichende Literaturforschung zu erweitern. Diesen Standpunkt gutheißen, strebt der Verfasser zugleich danach, die Beziehungen individueller und kollektiver Traditionen in der Gesamtstruktur der modernen literarischen Beziehungen zu bestimmen. Danach verweilt er bei verschiedenen Aspekten der literarischen Typologie, so beim psychologischen Parallelismus, bei der Sujettypologie, bei der Vergleichung der «Makro-» und «Mikrostrukturen» der Literatur u. a. m.

Hierauf wird die Rolle des rezeptiven literarischen Kontextes bei der Forschung der Literaturbeziehungen behandelt, wie auch die Frage der sogenannten «gesetzgeberischen» und «nichtgesetzgeberischen» Nationalliteraturen auf verschiedenen Etappen der Geschichte. Es wird die historische Veränderlichkeit und der dynamische Charakter dieser Teilung, der dialektische Zusammenhang des nationalliterarischen und des weltliterarischen Gesichtswinkels bei der Auswertung literarischer Erscheinungen und Beziehungen erläutert.

Ein wichtiges Problem ist auch weiterhin die Integration der zwischen- und innerliterarischen Vergleichung bei der Aufklärung des genetischen und typologischen Wesens des Werkes. Das würde die vergleichende Literaturforschung sowohl von methodologischer Einseitigkeit als auch von der Orientierung auf nur zwischenliterarische Beziehungen befreien. Die Behandlung des Lebens eines anderen Volkes in der gegebenen Nationalliteratur wird als eine wichtige Seite internationaler Verbindungen der Nationalkulturen betrachtet, die diese Literatur sowohl thematisch als auch ästhetisch bemerkenswert bereichern kann.

Zuletzt wird auf die neuen Möglichkeiten hingewiesen, welche die vergleichende Kunstwissenschaft der vergleichenden Literaturforschung bietet, und auch auf die Verwendung einiger Forschungsmethoden der Informationswissenschaft und der Soziologie bei der Behandlung literarischer Beziehungen.

*Institut für Sprache und Literatur
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 26. Nov. 1971